

Крэйг Браун

**ТЕОРИЯ ШЕСТИ
РУКОПОЖАТИЙ**

Перевод с английского
Татьяны Шуликовой

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.9

ББК 88.5

Б87

Craig Brown

One on One

Печатается с разрешения автора,

A P Watt at United Agents LLP и литературного агентства The Van Lear Agency LLC

**Все права защищены, ни одна часть данного издания
не может быть использована в какой-либо форме, включая электронную,
фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные
способы хранения и воспроизведения информации,
без предварительного письменного разрешения правообладателя.**

Браун, Крэйг.

Б87 Теория шести рукопожатий / Крэйг Браун; пер. с англ. Т. Шуликовой. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 368 с. — (Истории и тайны).

ISBN 978-5-17-099324-6.

Известна ли вам теория «шести рукопожатий»? Она утверждает, что каждый человек знаком с любым другим жителем планеты через цепочку общих знакомых, в среднем состоящую из шести рукопожатий. Этот мировой бестселлер доказывает теорию на примере подлинных встреч знаменитостей от Майкла Джексона до Льва Толстого, от Гарри Гудини до Чарли Чаплина. В отдельности каждая встреча – это кусочек занимательной биографии, яркой и насыщенной, а всё вместе – уникальная книга, показывающая читателю, что Земляне гораздо ближе друг к другу, их судьбы связаны единой цепочкой от рукопожатия к рукопожатю, от одного нелепого случая к другому.

УДК 159.9

ББК 88.5

ISBN 978-5-17-099324-6.

© 2011 by Craig Brown

© 2017, Т. Шуликова, перевод на русский язык

Крэйг Браун, автор множества книг, в том числе романов *The Marsh Marlowe Letters* и *The Hounding of John Thomas*, а также сборников *This is Craig Brown*, *The Tony Years* и *The Lost Diaries*. Среди придуманных им персонажей Уоллес Арнольд, ветеран светской хроники, и Бел Литлджон, ведущий рубрики в *Guardian* и автор инсталляций, чья выставка «Жаль, что я не могу исчезнуть сию секунду и навсегда, похороненный и забытый» попала в шортлист претендентов на премию Тернера. Ведущий таких радиосериалов, как «1966 and All That» и «As Told to Craig Brown». С 1988 года он ведет сатирический дневник в *Private Eye*.

↓ Из отзывов на «Один на один»:

«Для всех, кто любит и посмеяться, и подумать».

Эндрю Ронсли, Observer

«Кто, кроме Брауна, мог бы придумать такой изящный прием? Превосходная книга Брауна — подлинный самородок и полный восторг».

Миранда Сеймур, Sunday Times, «Книги года»

«Шутки на каждой странице, одновременно человеческие и абсурдные».

Никола Шулман, Daily Telegraph, «Книги года»

«Блестящий в своей новизне взгляд на биографию как на сборник любопытных случаев».

Филип Хеншер, Daily Telegraph, «Книги года»

«Один на один» — совершенно документальная книга, и к тому же весьма тщательно проработанная, но притом не менее смешная и прозорливая, чем все подаренное нам Брауном... Наслаждайтесь ею от первой до сто первой главы».

Кристофер Харп, Sunday Times

«Насыщенная и чрезвычайно занимательная книга, которая с нежностью и печалью взирает на стремительную карусель истории и славы и напоминает нам, что от рукопожатия к рукопожатию, от одного нелепого случая к другому, «путь величия ко гробу нас ведет».

Сэм Лит, Guardian

«Восхитительно эксцентричная книга».

Энтони Хоровиц, Sunday Telegraph, «Книги года»

«Богатая коллекция маленьких чудес».

Полли Сэмсон, Daily Telegraph, «Книги года»

«Удивительно нетривиальная и остроумная книга... Нельзя и пожелать себе более замечательного образца подобной литературно-светской игры».

Саймон Гриффит, Mail on Sunday

«Из правды возникает абсурд, из легкости — глубина, а из хаоса — порядок, пока Крэйг Браун вращает свои мощные жернова».

Scotsman

«С точки зрения чистого развлечения трудно найти что-либо лучшее».

Spectator, «Книги года»

«Оригинальная задумка, безупречное исполнение».

Перегрин Уорстон, New Statesman, «Книги года»

«Книга, от которой я смеялся больше всего».

Джулиан Барнс, TLS, «Книги года»

«Эта книга — наслаждение. Если история — удачно пересказанные сплетни, то книга Брауна — настоящий триумф жанра. Клянусь, это фу-рор!»

Себастьян Шекспир, Literary Review

↓ Другие книги Крэйга Брауна

The Lost Diaries

The Agreeable World of Wallace

Arnold Rear Columns

A Year Inside: Parliamentary Sketches

The Private Eye

Book of Craig Brown Parodies

Hug Me While I Weep for I Weep for the World: The Lonely Struggles of Bel
Littlejohn

The Craig Brown Omnibus

1966 and All That

Fame, Sex, Money, Power: A Beginner's Guide

This is Craig Brown

The Little Book of Chaos

The Marsh Marlowe Letters

Imaginary Friends: Collected Parodies 2000–2004

The Hounding of John Thomas

Craig Brown's Greatest Hits

Welcome to My Worlds!: The Dread Decades of Wallace Arnold

The Tony Years

Теория шести рукопожатий

Посвящается Фрэнсис

Брошаемые волнами океана,
Встречаются два обломка;
Скоро волна разлучит их,
И больше им не столкнуться.
Так же и мы; наши встречи
Лишь на миг, дитя мое.
Другая сила движет нами,
Так не вини же никого.

*Гаджанан
Дигамбар Мадгулкар*

У нас столько же личностей, сколько людей,
которые нас знают.

Уильям Джеймс

Земля вертится и не преуспевает. Главное — это миг.

Жан Кокто

Когда Артур Миллер пожал мне руку, я
мог думать только о том, что эта рука когда-то
держала грудь Мэрилин Монро.

Барри Хамфрис

↓ АДЛЬФ ГИТЛЕР

сбит машиной

ДЖОНА СКОТТ-ЭЛЛИСА ↓

*Бриннерштрассе, Мюнхен
22 августа 1931 года*

Чуть ранее в том же году Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП) — вторая по величине политическая партия Германии — переехала в новую штаб-квартиру по адресу Бриннерштрассе, 45, что неподалеку от Кенигсплац. Вождь НСДАП Адольф Гитлер на сорок третьем году жизни — весьма успешный автор бестселлера: «Майн кампф» продана уже в количестве 50 тысяч экземпляров. Сейчас он обладает всеми атрибутами власти и богатства: шофером, адъютантом, телохранителями, девятикомнатной квартирой на Принцерегентенплац, дом 16*. Престиж его растет день ото дня. Прохожие, замечая его на улице или в кафе, часто подходят взять у него автограф.

Благодаря новоприобретенной уверенности в себе он уже не так робок с женщинами. Его внимание привлекла симпатичная девятнадцатилетняя продавщица Ева Браун; она работает в студии его личного фотографа Генриха Гофмана. Он даже стал с нею встречаться. И вот, когда он идет по Людвигштрассе, что плохого может случиться в этот ясный солнечный день?

В нескольких метрах от него юный Джон Скотт-Эллис обкатывает новую машину. Он не сумел с отличием закончить Итон. «Я обладал теми преимуществами, что был неглуп и мне неплохо удавалось большинство спортивных игр, — вспоминает он, — но все испортила моя врожденная лень или слабоволие... Я был кошмарным учеником... Я жульничал без всяких угрызений совести, а когда мне грозили исключением — «Вы переполнили чашу терпения», такими словами однажды приветствовал меня доктор Эйлингтон, — я всегда умудрялся надавить на жалость и выкрутиться».

* «Вся квартира коричнево-белая, вообще-то довольно уродливая и без особых изысков», — написала Дебора Митфорд в дневнике 7 июня 1937 года, когда побывала в гостях у герра Гитлера с матерью и сестрой Юнити. (Прим. авт.)

Он так и не смог прославить свое имя особыми достижениями. Вот что говорит его отец в письме к его же матери, написанном на втором году учебы Джона в Итоне:

Дорогая Марго!

Прилагаю табели успеваемости Джона. Как увидишь сама, его оценки весьма неутешительны от первой до последней... Боюсь, он унаследовал все недостатки и ни одного из малочисленных достоинств отца. Конечно, мы могли его переоценить, и на самом деле он всего лишь глуповатый и неряшливый мальчик, хотя, возможно, он сорвался, вступив в подростковый возраст. Однако, надо сказать, отсутствие честолюбия и общая слабость характера глубоко меня разочаровывают.

Постарайся расшевелить нашего безобразника.

Твой Т.

Покинув Итон в прошлом году, Джон отправился в семейные владения в Кении (Скотт-Эллисам принадлежит множество ферм, а также сотня акров в центральном Лондоне между Оксфорд-стрит и Мэрилебон-роуд, больше 8 тысяч акров в Эршире, на острове Шона и еще изрядный участок в Северной Америке).

Затем семья решила, что ему следует некоторое время пожить в Германии, чтобы выучить язык. В 1931 году, в возрасте 18 лет, он приехал в Мюнхен и поселился у семьи по фамилии Паппенгейм. Он пробыл в городе не больше недели и решил купить себе небольшой автомобиль. Он остановил выбор на красном «фиате», который его друзья («весьма грубо») прозвали «коммивояжером». В первый же день, сев за руль, он приглашает покататься гауптмана Паппенгейма, добродушного шестидесятилетнего старика. С его помощью он надеется не заблудиться в Мюнхене и не нарушить правил дорожного движения.

Вот они трогаются в путь. Джон с осторожностью едет по Луитпольдштрассе, мимо Ворот Победы. «Фиат» прекрасно слушается руля. Пробная поездка идет как по маслу. Что плохого может случиться в этот ясный солнечный день?

Адольф Гитлер шагает по тротуару, а Джон в это время едет на своем «фиате» по Людвигштрассе. Он сворачивает направо на Бриннерштрассе. Гитлер, переходя дорогу, забывает посмотреть налево. Внезапно раздается хруст.

«Я ехал очень медленно, но тут какой-то человек сошел с тротуара и прямоком направился в мою машину», — вспоминает Джон. Многие во-

дители, и до него, и после, говорили те же самые слова, часто давая показания суду.

Пешеход — мужчина лет сорока с небольшим, с квадратными усиками — падает на колено. Джон встревожен, но мужчина с трудом поднимается на ноги. «Он почти сразу встал, и я увидел, что он не ранен. Я открыл окно, и, само собой, раз я ни слова не знал по-немецки, дал говорить гауптману Паппенгейму. Меня больше волновало, не заметил ли чего дорожный полицейский».

Все в порядке. Полицейский ничего не заметил, а если и заметил, ему все равно. Мужчина с усиками отряхивается и пожимает руки Джону и гауптману Паппенгейму, оба они желают ему здравствовать.

— Вы, наверное, не знаете, кто это? — говорит гауптман Паппенгейм на обратном пути.

— Конечно, не знаю, а кто это?

— Он политик, у него своя партия, и он очень много болтает. Его зовут Адольф Гитлер.

Три года спустя, в 1934-м, Адольф Гитлер сидит в ложе небольшого, вычурно украшенного мюнхенского Резиденцтеатра* и ждет начала оперы. К тому времени он уже канцлер Германии, и о нем судачит весь мир. В соседней ложе сидит двадцатиоднолетний Джон Скотт-Эллис, он пришел в театр со своей новобрачной женой-немкой в первый вечер медового месяца. Джон смотрит направо. Не тот ли это тип, которого он сбил с ног три года назад?

Юноша наклоняется через барьер ложи. Кажется, он хочет что-то сказать. Телохранители Гитлера в замешательстве. Кто это, чего ему надо?

Джон Скотт-Эллис представляется. Он пользуется моментом и спрашивает фюрера, не помнит ли тот, как его сбили на улице три года назад. К его удивлению, Гитлер все хорошо помнит. «Он был весьма обходителен в те несколько секунд». Потом вступает оркестр, и начинается увертюра. Больше эти двое никогда не встречались.

Проходят годы**, и Джон часто рассказывает о своем неожиданном столкновении с Адольфом Гитлером. «Пожалуй, несколько секунд история всей Европы была в моих корявых руках. Я едва задел его, но если б я задал его насмерть, изменилась бы мировая история», — так он резюмирует эту любопытную встречу.

* Сейчас это Старый Резиденцтеатр. (Прим. авт.)

** В 1946 году Джон унаследовал титул барона Говарда де Уолдена. Умер в 1999 году в возрасте 87 лет. Гитлер умер в 1945 году в возрасте 56. (Прим. авт.)

↓ ДЖОН СКОТТ-ЭЛЛИС

разговаривает о фрицах с

РЕДЬЯРДОМ КИПЛИНГОМ ↓

Чирк-Касл, Рексем, Северный Уэльс

Лето 1923 года

Летом 1923 года Джону Скотт-Эллису всего лишь 10 лет, однако ему уже довелось обедать с Г. К. Честертоном и Джорджем Бернардом Шоу.

Джон живет в большом замке XIII века. Его отец, восьмой барон Говард де Уолден, по-любительски занимается искусством, сочиняет оперы, стихи и пьесы. Одно время ему принадлежал Королевский театр Хеймаркет, где ставилось немало интеллектуальных пьес, в том числе драматурга Генрика Ибсена. Когда выяснилось, что они не приносят доходов, его уговорили поставить комедию «Банти дергает за ниточки»; она шла в театре три года.

Замок барона, как магнитом, влечет к себе художников и писателей. Маленькому Джону привычно проводить дни с Хилэрмом Беллоком, Огастесом Джоном, Джорджем Муром и Максом Бирболом. Одни знаменитости дружелюбнее, чем другие. Беллок учит его складывать из бумаги всевозможные хитрости, например, птичку, которая хлопает крыльями, если потянуть ее за хвост. Еще он показывает ему легкий способ доказать теорему Пифагора: вырезать два треугольника и особым образом положить их на лист бумаги. «Я до сих пор помню, как это делается, но, к несчастью, совсем позабыл его неопровержимое доказательство троичности, которое он продемонстрировал каким-то похожим способом», — впоследствии вспоминает Джон. Еще он помнит, как однажды ирландский писатель Джордж Мур («вечно озадаченный») поделился с его отцом проблемой, которую никак не мог решить.

— Я все пишу «пожар распался все сильнее», но это плохо, а я никак не могу придумать, как сказать по-другому.

— А что, если написать «пожар разгорался все сильнее»? — предложил лорд Говард де Уолден.

Мур уехал счастливым.

Летом 1923 года в Чирк приезжает Редьярд Киплинг. Великий писатель и маленький мальчик идут погулять по саду. Как раз в такой же обстановке Хью Уолпол заметил о 160-сантиметровом Киплинге: «Когда он гуляет по саду, видно только его брови».

Пятидесятилетний Киплинг просит детей называть его дядя Редди. Он с трудом заводит дружбу с взрослыми, но с детьми общается, как с равными, и так же пишет для них. «Я лучше сочиню добрую книжку детских сказок, чем новую религию или совершенно новое устройство общественной и политической жизни», — поясняет он.

С детьми он сам становится ребенком. Во время поездки в Южную Африку он лег на палубу, когда учил маленького мальчика играть в солдатиков. Однако на тех, кто не разделяет его склонности к приключениям, ему порой не хватает терпения. Как-то раз он дал одному юноше свой револьвер и предложил выстрелить. Видя его нерешительность, Киплинг отрезал: «В твоём возрасте я бы все отдал, чтобы пострелять из револьвера!»

Но с Джоном Киплинг на одной волне. Киплинга давно увлекают сверхъестественные явления, и потому, возможно, он обращает внимание на необычные способности ребенка: Джон умеет бросить на пол колоду карт рубашкой вверх и взять из нее четыре туза. «Я совсем не утверждаю, что обладаю какими-то странными силами, но, пожалуй, у меня была или даже есть эта экстрасенсорная способность чуть больше, чем у других», — вспоминает он. Как-то раз после обеда гость — некий адмирал, интересующийся оккультными делами, просит его бросить кости и загадать, чтобы выпало побольше очков. «Примерно на двадцать с лишним бросков у меня ни разу не выпало меньше двойных четверок, а часто выпадали и шестерки». Потом адмирал велит ему загадать поменьше очков. «Сначала выпало два очка, и дальше шло примерно так же».

Гуляя по саду, Джон болтает с Редьярдом Киплингом о немцах. Киплинг говорит, что терпеть их не может. Разговор заходит о самолетах. Киплинг говорит, что то и дело пытаются сбить его каминную трубу.

Джон спрашивает, не хочется ли ему полетать на дирижабле.

— Что?! — восклицает Киплинг. — Запереться в серебряном гробу с кучей фрицев?!

Возможно, эта цитата слишком хороша, чтобы быть подлинной, но Киплинг обладает странной способностью порой становиться карикатурой на самого себя. За обедом с Соммерсетом Моэмом на вилле «Мореск» разговор зашел об их общем друге. Киплинг заявил:

— Он белый человек.

А Моэм подумал про себя: «Как это типично. Было бы забавно, если бы он, чтобы оправдать все мои ожидания насчет него, называл бы его пукка сагиб»*.

— Он настоящий пукка сагиб, — продолжал Киплинг.

После прогулки Джон приглашает Киплинга посмотреть на полное собрание его сочинений в элегантном карманном издании с переплетом из красной кожи. Киплинг предлагает подписать их, но тут, как по мановению волшебной палочки, в комнату вдруг врывается внушительная жена Киплинга Кэрри и велит ему этого не делать. И это тоже весьма типично. Кэрри постоянно защищает супруга от читателей и из-за этого часто становится объектом насмешек. Для леди Коулфакс** она «второсортная американка, командирша, женщина из тех, с кем можно говорить только о прислуге». Один мальчик по имени Генри Филден имел привычку заходить в усадьбу Киплинга «Бейтманс» и брать почитать книги. Однажды, подойдя к дому, он увидел, что Киплинг стоит у окна. Тогда мальчик помахал рукой, а Киплинг помахал ему в ответ. Но когда Генри постучался в дверь, горничная сказала ему, что мистера Киплинга нет дома. Генри стал настаивать, что они только что помахали друг другу, и горничная убежала в растерянности. Чуть погодя появилась рассерженная миссис Киплинг и сквозь зубы процедила, что муж скоро спустится.

Через день после неудавшейся дачи автографа Киплинг ведет Джона на соревнование пастушьих собак в Лланголлене. Джон замечает, что Киплингу привольно в компании пастухов, которых он «расспрашивал и выслушивал все их рассказы о конкурсе и об их жизни». По дороге домой Киплинг обещает написать об этих самых пастухах. «Но, к сожалению, — замечает Джон, к тому времени уже старик, — он так и собрался».

* В Индии по смыслу примерно соответствует выражению «превосходный джентльмен». (Прим. пер.)

** Дизайнер интерьеров и светская львица (1874—1950). (Прим. пер.)